

Певчий ангел

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Антология

Татьяна А. Ивлева

Певчий ангел

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961932

Певчий ангел: антология / сост. Т. Ивлева: Алетейя; Санкт-Петербург;

2015

ISBN 978-5-9905980-7-2

Аннотация

В настоящей книге представлено творчество женщин-поэтов XXI века, проживающих в России, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Российских поэтесс объединяет с поэтессами русского зарубежья профессиональное владение русским языком, любовь и бережное отношение к слову, широкий диапазон тем, стилей и выразительных поэтических средств. Собранные здесь стихи не только несут печать лирической исповедальности их авторов, но и являются подлинным историческим документом нашего времени.

В оформлении обложки использована картина «Ангел трубы» ("The Angel of the Trumpet") сэра Эдварда Бёрн-Джонса (1833–1898), Лондон.

Содержание

Поэты и ангелы	7
Светлана Куралех	17
Война	19
«Всё дрожит. Мы в подвалах сидим...»	20
Венок октав	21
«Все холоднее на ветру...»	26
Колыбельная говорящей собаке	27
«Под музыку с небес слетает...»	28
Проводы в Германию	29
«Воспоминая в стиле оригами...»	30
Первая любовь	31
«Мне ангелы снятся и, кажется, нет им числа...»	32
Портрет художника	33
«Сквозь яркую зелень – то синь, то сирень...»	34
«Двух убогих – тебя да меня...»	35
Старая пьеса	36
Осетинские напевы	37
Дебют	38
«Сто лет прошло, и век другой ступает...»	39
Дина Дронфорт	40
Флюгер	42
«От бутона магнолии ...»	43

«Что если жизнь начать сначала...»	44
Ропот	45
Бессмертие. Кундера	46
К чему?	47
Мой клен	48
«Пока живу, мороз и зной...»	49
Клуб самоубийц Лизы К.	50
Предгрозовое	51
«И кожи патина и вечер подглазий...»	52
Окуджаве	53
Встреча	54
Старушка и смерть	56
«Холодно здесь. Неизбежно холодно...»	58
Ангел	59
«У блаженных котомки пусты...»	60
«Из памяти лица смывает текущей толпой...»	61
Каприччо	62
Наш дом	63
«Нелепый и развенчанный портрет...»	64
31 августа	65
Звонок	66
Прикосновение	67
Свобода	68
«Ночь опускается в кресло и диалог...»	69
Rotrouggi	70
Обернись	71

«Я дышала над влажным виском темноты...»	72
Тени	74
Кукла	75
«Подвиг бледнеет розово...»	76
Евгения Комарова	78
Театр теней	80
Эвридика	80
Кассандра	81
Иешуа	83
Дон Жуан	84
Донна Анна	85
Командор	86
Крысолов	88
Роман в стихах	90
Роман в стихах	92
Наталья Хаткина	94
«Осень, не помню, в каком мы родстве...»	96
«Выйду из дому в мороз ...»	97
Шпана	99
Окраина	101
Листопад	102
Переезд	103
«Два голубя – сизый и белый ...»	104
«Мой август кудрявый, пора нам ...»	105
К...	106
Чаепитие	107

Вариации 1980 года	108
«Бродя, мы бражничали меж...»	110
«Очнулась уже в декабре ...»	111
Элла Крылова	112
Весенний гимн	114
«Вставьте мне в голову кусочек неба...»	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Певчий ангел

Составитель

Татьяна Ивлева

Поэты и ангелы

*Крылья ангел в дар,
пролетев, оставил.*
Дина Дронфорт

*Поэты не рождаются случайно,
Они летят на землю с высоты.*
Игорь Тальков

Художественная литература во все времена стремилась ответить на основные вопросы человеческого бытия. Не осталась в стороне и поэзия, в том числе поэзия, созданная женщинами.

Уже в первой половине XIX-го века возникают и формируются понятия о «женской литературе» вообще и «женской поэзии» в частности. В 20-е и 30-е гг. того столетия внимание русской общественности привлекает стихосложение и переводческая деятельность Каролины Павловой (урождённой Яниш). Её творчество тесно связано с русской роман-

тической школой Языкова, Баратынского, Лермонтова. Деятельность поэтессы, переводчицы и пропагандиста русской поэзии за рубежом получила высокую оценку Белинского.

Новым смыслом и содержанием наполняется едва наметившаяся терминология на рубеже столетий – в эпоху Серебряного века. В России, потрясенной Октябрьской революцией и двумя мировыми войнами, «женская поэзия», едва ли не самая значительная во всей современной мировой литературе и ознаменованная именами Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, стала актуальной и неотъемлемой частью культурной жизни страны.

По выражению А. Коллонтай, Ахматова дала «целую книгу женской души». Она оказалась первооткрывателем обширнейшей и неведомой до того в поэзии области, отразив в искусстве сложную историю женского характера. При этом Ахматова всегда оставалась поэтом традиционным, поставившим себя под знамя русской классики, прежде всего Пушкина. И вся поэзия Цветаевой, боготворившей Пушкина, есть не что иное как дневник её души.

По моему глубокому убеждению, основанному на многолетнем опыте работы с текстами поэтов, термин «женская поэзия» не имеет ни малейшего отношения к ярлыкам, навешанным на него. Есть поэты, и есть стихи – настоящие или посредственные.

В начале 2000-го года, приступив к составлению поэтических сборников, я невольно обратила внимание на то, что

стихи современных поэтесс давно вышли за рамки несправедливо навязанного им имиджа.

Вне всяких сомнений, талантлива и сильна поэзия, созданная служительницами её многочисленных муз – женщинами, нашими современницами. Какие глобальные, совсем не женские темы тревожат их умы и сердца: ужасы войны и смерти, нарастающего в мире террора и насилия, социальной несправедливости, массового духовного обнищания и тотального зомбирования в сгущающихся сумерках цивилизации... Слагать незаурядные, выстраданные и правдивые строки о вселенских явлениях – это, согласитесь, не кружева плести. Впрочем, и в этом занятии тоже необходима сноровка, о чём свидетельствуют лучшие образцы женской поэзии, сравнимые с тончайшим кружевом и ставшие достоянием мировой культуры.

Умнейшие мужи античности относились к творчеству «слабого пола» с заслуженным уважением. Вспомним древнегреческую поэтессу Сафо (Сапфо), наследием которой является известная так называемая «сапфическая строфа», изящная, законченная форма которой была по праву оценена не только её современниками (V в. до н. э.), но и привлекала позже римских поэтов Катулла и Горация. Сапфической строфой пользовались европейские поэты, а в русской поэзии к ней обращались Симеон Полоцкий, Валерий Брюсов. XIX век явил нам имена замечательных поэтесс той эпохи: А. А. Волковой, З. А. Волконской, Е. П. Ростопчи-

ной, К. К. Павловой, А. П. Бариновой, П. С. Соловьёвой, М. А. Лохвицкой, создавшей эти светлые, изящные поэтические строки:

Но звук, из трепета рождённый,
Скользнёт в шуршанье камыша —
И дрогнет лебедь пробуждённый,
Моя бессмертная душа.

Игорь Северянин считал Мирру Лохвицкую своим кумиром. Её творчество высоко ценил Валерий Брюсов, а Бальмонт назвал Лохвицкую «русской Сафо».

Поэты женщины XX – XXI в.в. ни в чём не уступают мужчинам по силе таланта, выразительности и глубине содержания. Неповторимость и своеобразие их образов, отточенность стиля и индивидуальность почерка свидетельствуют о высоком мастерстве и профессионализме. Вспомним лишь несколько самых значительных, и рядом с ними незаслуженно забытых имён этого периода: Анна Ахматова, Марина Цветаева, Софья Парнок, Зинаида Гиппиус, Мария Петровых, Маргарита Алигер, Ольга Берггольц, Вероника Тушнова, Римма Казакова, Новелла Матвеева, Белла Ахмадулина, Юнна Мориц... В Германии – Эльзе Ласкер-Шюлер, которую литературные критики сравнивают по силе экспрессионизма с Цветаевой. В Польше Веслава Шимборская, ставшая в 1996 году лауреатом Нобелевской премии. Возвращая истину на круги своя, уместно вспомнить о том, что ли-

тературоведы называют Анну Ахматову и Марину Цветаеву поэтами. Столь высокой чести удостоена и Белла Ахмадулина – вдохновенный, изысканный мастер слова, по праву занявший заслуженное место в пантеоне русской поэзии. Факт, подтверждающий признание женской поэзии как равной среди равных. Поэты-женщины в русской литературе сегодня не просто присутствуют, но и в огромной мере определяют ее лицо, ее темперамент, сами пути ее развития. Русскую поэзию конца XX – начала XXI века невозможно представить без стихов Инны Лиснянской, Олеси Николаевой, Елены Ушаковой, Светланы Кековой, Елены Шварц, Ирины Ермаковой, Ольги Седаковой. В последние десять лет свои пронзительные, ни с чем и ни с кем не смешиваемые ноты внесли в этот хор голоса Веры Павловой, Елены Фанайловой, Ольги Хвостовой, юной Марии Кильдибековой.

Таким образом, понятие «женская поэзия», как и само определение «поэтесса», прошли долгий, сложный путь формирования и самоутверждения.

В этом сборнике под символическим названием «Певчий ангел» собраны русскоязычные поэтессы – наши современницы, разбросанные по всем уголкам планеты фрагментами единого целого, складывающегося в сложный, значительный, незаурядный пазл.

С их творчеством я познакомилась в первые годы молодого столетия, составляя поэтические сборники и листая страницы разных антологий. С некоторыми знакома лично. У

каждой из них своя яркая индивидуальность и инструментовка поэтического звучания, свой образный ряд и самобытный поэтический стиль.

Но всех их, несомненно, объединяет, с одной стороны – превосходное владение русским языком, отвага в поиске новых художественно-выразительных форм и средств, верность лучшим традициям русской поэзии и с другой – любовь к жизни, активное в ней участие, неравнодушное отношение к миру, страстный, часто горький и печальный отклик на события, происходящие в нём.

Есть ещё одно интригующее, не случайное совпадение: многие из участниц этого сборника обращаются в своих стихах к образам ангелов. Разумеется, это символическое обращение, характерное для всех поэтов, некий художественный приём. Но именно это незримое присутствие ангелов наполняет содержание данного сборника особой доверительной интонацией, атмосферой духовности и исповедальности.

Стихи двух авторов – Ольги Бешенковской и Натальи Хаткиной – стали достоянием широко известной антологии русской поэзии «Строфы века» (составитель Е. А. Евтушенко). Обе безвременно ушли из жизни, оставив большое поэтическое наследие в современной русской литературе. Без них и этот сборник был бы неполным, ибо они – свидетели нашего времени, и подборки их стихов, будучи одними из самых ярких и впечатляющих в этой книге, являются к тому же достоверным историческим документом нашего времени. Увы,

поэты уходят, но их творчество продолжает жить.

И продолжают писать в лучших традициях русской поэзии такие зрелые, талантливые, хотя и очень разные по стилю и жанру мастера слова, как Светлана Куралех (Украина), Светлана Чернышова и Ирина Аргутина (Россия), Анна Полетаева (Армения), Наталья Крофтс (Австралия), Тамара Сологуб-Кримонт (Израиль), Евгения Комарова и Марина Белоцерковская (Германия), Елена Данченко (Нидерланды)... Список можно было бы продолжить, но лучше сделай это сам, любезный читатель, открывая для себя новые имена открылѐнных вдохновением современниц.

Каждая из них обладает волнующим, запоминающимся голосом. Трепетность, гибкость, особая душевность, благородство, пленительное благозвучие и красота присущи всем им, поэтому я не задавалась целью представить лишь самые сильные голоса. Интереснее было осуществить иную, более сложную задачу: показать каждый голос в его неповторимом, оригинальном звучании, пусть не всегда академическом, но трогательном чувства и пробуждающем воображение. Добавлю лишь, что мне, как составителю данного сборника, каждый из этих голосов дорог.

Женщины-поэты. Кто они? Представительницы слабого пола, дочери разных племѐн, рассеянные по всему свету? Жѐны, матери, подруги, хлопотливые и заботливые хозяйки, на которых держится дом, семья, и которые в «громыханье пушек и кастрюль» не потеряли слух и не разучились петь?

Сирены? Дивы? Музы? Или особые существа – в одном лице и музы, и поэты, получившие от ангелов «крылья в дар»?

А может, и сами они певчие ангелы? Летящие на землю с высоты «целители уставших наших душ»?¹

Вглядишься в их лики, вчитайся в их строки, вдумчивый, чуткий и наблюдательный читатель, и, быть может, истина о поющих ангелах откроется твоему зоркому сердцу. А насколько талантливы, проникновенны и неподражаемы их голоса – тоже судить тебе. Будь же внимателен к ним – вслушайся, благослови и пожелай им не терять певчего голоса и «строки высокого накала».

Поэты и ангелы
В чём-то похожи:
Не уживаются в стае,
Летают поодиночке...
Храни их Господь!

На этом можно было бы поставить точку, если бы не телефонный звонок, которого я ждала: знакомый голос отца Эрвина – так его называют в среде русской эмиграции – сообщил, что благословение отправлено...

Немецкий священник Эрвин Иммекус 19-летним юношей попал в 1943-м году на фронт. Не сделав ни одного выстрела, в первом же сражении был контужен и взят в плен, где,

¹ Из песни Игоря Талькова.

проведя несколько лет, выучился русскому языку, проникся любовью к русским людям и русской православной церкви. Вернувшись на родину, закончил в Германии высшую духовную семинарию и посвятил долгую свою жизнь беззаветному служению Богу и русской эмиграции. Убеждённый волонтер, бесребреник, один из величайших гуманистов нашего времени, он долгие годы, пренебрегая опасностью, преодолевая серьёзные трудности и непредсказуемые препятствия на границах, оказывал гуманитарную помощь в России и Украине.

Недавно русская эмиграция отметила в Эссене его 90-летие. Встретившись с ним на юбилее, я поведала о готовящейся к выпуску антологии женской поэзии, и он дал сборнику благословение, текст которого – с глубочайшей благодарностью – привожу в заключение предисловия:

*Во имя Отца и Сына и Святого Духа благословляю
ваше желание нести людям свет и радость
божественной музыкой поэтических строк! Да не
иссякнет в вас удивительный источник вдохновения и
дарования! Благословляю всех авторов этого сборника
– женищин-поэтов, обладающих особым даром видеть
этот мир и все в нем происходящее через призму
поэтического вдохновения, остро чувствовать добро,
зло и несправедливость, нежно любить сотворенную
Богом красоту мира! Да благословит вас Господь!*

Аминь!

Доктор теологии, священник Эрвин Иммекус

И с лёгким сердцем ставлю точку.

Татьяна Ивлева, Эссен, октябрь 2014

Светлана Куралех

Донецк

Куралех Светлана Степановна родилась 14 мая 1942 года в поселке Горном Саратовской области в семье служащих. Окончила строительный факультет Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта (1964) и заочно Литинститут (1977). Печатается с 1966 года. Автор книг стихов: Вечерний визит (Донецк, 1978); Времена жизни (Донецк, 1983); Женщина с правами (Донецк: Донбасс, 1990); Стихи / Предисл. М. Гиршмана (Донецк: Кас-

сиопея, 1999) и др. Печаталась в журналах «Донбасс», «Радуга», «Нева», «Студенческий меридиан», «Смена», «Сельская молодежь», «Колобок», «Гусельки». Переводит поэзию с немецкого, украинского, французского языков. Стихи Куралех переведены на английский, немецкий, польский, украинский языки.

Война

На солнце буйствуют протуберанцы,
и одержимые с огнём играют —
и на правителей встают повстанцы,
и города горят и умирают.

Уже не важно, кто кому уступит,
уже не важно, кто кого осилит
и кто кого полюбит и разлюбит...
Навылет ранена душа, навывлет.

И жизнь любимая – как поле брани,
где пули во поле свистят шальные...
И хорошо, когда ты только ранен
и только ранены твои родные.

«Всё дрожит. Мы в подвалах сидим...»

Недолёт. Перелёт. Недолёт.

По своим артиллерия бьёт.

А. Межиров

Всё дрожит. Мы в подвалах сидим.
Артиллерия бьёт по своим:
то ли бойня идёт, то ли бой,
не понятно, кто свой, кто чужой.
День и ночь канонада слышна.
И растёт огневая стена.
И теперь может знать только Бог,
кто же первую спичку зажжёт.
Недолёт. Перелёт. Недолёт.
По своим артиллерия бьёт.
Видно, крепко нас родина любит —
по своим артиллерия лупит...
И небесные сотни летят,
ни огонь им не страшен, ни град —
там присмотрят за каждой душой,
там рассудят, кто свой, кто чужой.

Венок октав (попытка биографии)

1

Дорога до-ре-ми, дарованная мне...
Расстрелянный рояль, разбросанные ноты.
Растерянная скрипка. Сводки о войне.
Прощальные гудки – охрипшие фаготы.
Там, в маминой утробе, в самой глубине
Венок моих октав нашёптывал мне кто-то,
Насвистывал сквозняк в саратовском посёлке.
Ребёнок, Новый год и запах первой ёлки.

2

Ребёнок, Новый год и запах первой ёлки.
Куранты полночь бьют, и сын кричит мне: «Я-а!»
Зажатый кулачок моей коснулся чёлки,
Ребёнок просит грудь – бери, душа моя!
Смешались на столе пелёнки и заколки,
Конспекты и стихи. Счастливая семья.

Мы весело поём, мы на одной волне...
Миг сказочной любви – недолгий свет в окне.

3

Миг сказочной любви – недолгий свет в окне.
Тяжёлые плоды родительского сада.
Ах, надо б написать мне книгу о родне,
Я обещала маме – надо, надо, надо.
Что было, то прошло. Кто был, того уж нет,
И только старый сад и новая ограда.
Опавшая листва, засохшие метёлки.
Фаянсовый кувшин, разбитый на осколки.

4

Фаянсовый кувшин, разбитый на осколки.
Где родина моя, там сердце пополам.
Ушёл двадцатый век – остались барахолки
И кукольный сезон, похожий на «сезам».
А я – поэт без слов, я – нитка без иголки,
Я – цирк без шапито, я – гордая мадам.
Собака спит в углу, а муж в другой стране.
Соль, сжатая в щепоть, и чайник на огне.

5

Соль, сжатая в щепоть, и чайник на огне.
Жизнь ближе к эпилогу, время ближе к маю.
Стихи, как мотыльки, порхают в тишине.
Не стану их ловить – вдруг крылышки сломаю...
Бомжи металлолом приносят на спине,
Но вывеска в окне: «С утра не принимаю!»
Сочувствуют бомжам бабульки-балаболки.
Лязг брошенной подковы, грязные футболки.

6

Лязг брошенной подковы, грязные футболки.
Я памяти своей кручу калейдоскоп:
Галдёж на ипподроме, толки-кривотолки,
А я забыла страх, а я живу взахлёб.
Я растворяюсь в шёлке лошадиной холки,
И лошадь подо мной пускается в галоп.
Пегас – мой верный конь, жокей – мой лучший друг.
Симфония весны захватывает дух!

7

Симфония весны захватывает дух!
Масличная гора и звуки песнопений.
Святой Иерусалим – залитый солнцем луг,
В котором проросли библейские ступени.
И это ничего, что день горяч и сух —
Есть чистая вода и тень густых растений.
За стайками детей, за стайками пичуг
«До» рвется в небеса, рождая новый круг.

8

«До» рвется в небеса, рождая новый круг,
Сплетаются октавы, как молитвы в храме,
И тысячи ладов перебирает слух,
Чтоб музыка сливалась с вечными словами.
Есть музыка внутри, есть музыка вокруг,
Есть музыка от нас, есть музыка над нами.
И есть среди дорог в небесной вышине
Дорога до-ре-ми, дарованная мне.

*Дорога до-ре-ми, дарованная мне...
Ребёнок, Новый год и запах первой ёлки.
Миг сказочной любви – недолгий свет в окне,
Фаянсовый кувшин, разбитый на осколки.
Соль, сжатая в щепоть, и чайник на огне,
Лязг брошенной подковы, грязные футболки.
Симфония весны захватывает дух!
«До» рвётся в небеса, рождая новый круг.*

«Все холоднее на ветру...»

Все холоднее на ветру,
и время все неумолимей.
– Вы где?
– Мы в Иерусалиме.
– А вы?
– Мы там, где кенгуру.
А убиенные – в раю,
а незабвенные – в Нью-Йорке.
А я одна в глухом краю,
все стерегу свои задворки.
Ушла ночная электричка,
и кажется, что все ушло...
Я – бабочка-шизофреничка,
бьюсь о вагонное стекло.

Колыбельная говорящей собаке

Памяти Натальи Хаткиной

Набираю «cot.cot@net»...
Странно, что нет тебя на свете,
но собачий след ведет в интернет,
и я ищу тебя в интернете.
Как там? Легко ли по небу ступать,
плыть и струиться в колечках дыма?
Сладкое дело – в раю засыпать,
но колыбельная необходима.
Вздрагивают часы от каждого тик-така.
Лучшие годы вспыхивают, как спички.
Баюшки-бай, Говорящая собака!
Привет от Бабочки-шизофренички.

«Под музыку с небес слетает...»

Под музыку с небес слетает
докладная
неведомо кому, но в образе стиха:
позвольте доложить, что эта жизнь земная —
единственная жизнь безмерно дорога.
Позвольте доложить, что время ускользает,
что предвечерний сад как будто бы горит,
что если человек внезапно исчезает,
о нём ещё не раз листва заговорит.

Проводы в Германию

Пахнет садом Гефсиманским...
Не целуй через порог.
Может, с паспортом германским
будешь счастлив. Дай-то Бог.

Передай привет мой Гейне —
мне ирония сродни.
Что теперь топить в портвейне
наши прожитые дни!

Стул непроданный изломан,
и затоптан половик...
«Herz, mein Herz, sei nicht beklommen
und ertrage dein Geschick»².

² Сердце, сердце, сбрось оковы и забудь печали гнёт. (нем.) Г. Гейне.

«Воспоминанье в стиле оригами...»

Воспоминанье в стиле оригами...
Бумажный олененок на окне.
Мне восемь лет. Я прижимаюсь к маме,
а мама прижимается ко мне.

Воспоминанье в стиле оригами...
Я рву стихи. Я пробую свести
все счета и обиды между нами.
А мама шепчет: «Господи, прости».

Воспоминанье в стиле оригами...
Куда же ты пропал, олений след?
Как холодно. Я свечку ставлю маме.
Мне страшно быть должно. А страха нет.

Первая любовь

*«Дни человека – как трава...»
(Пс. 102:15)*

«Постой!» —
и холодок по коже.
«Постой!» —
и оборвется бег.
...Трава была нам брачным ложем
и на себя взяла наш грех.

Там, где довольно было взгляда,
ты все подыскивал слова,
а я подумала: «Не надо:
дни человека – как трава».

Травинку горькую кусая,
я знала все твои права
и по траве ушла босая...
Дни человека – как трава.

«Мне ангелы снятся и, кажется, нет им числа...»

Мне ангелы снятся и, кажется, нет им числа.
Которую ночь почему-то мне ангелы снятся.
Один охраняет от сглаза меня и от зла,
пока остальные в слепом коридоре теснятся.

Вот ангел второй застывает у чёрных дверей.
А третий прозрачным крылом заслоняет собрата.
Четвёртый мне на ухо шепчет: «Беги поскорей!»
«Беги поскорей...» – повторяет задумчиво пятый.

Куда мне бежать и о чём эта смутная речь,
возвышенный шёпот и трепет, намёки и знаки?
Зачем столько ангелов? Как я смогу уберечь
их бедные крылья в такой тесноте и во мраке?

Портрет художника

Художник – пилигрим, а может, шут бесстыжий...
«Да, живопись – свобода», – мне он говорит.
Но Господом к нему приставлен ангел рыжий,
который часто сам не знает, что творит.
И путается в красках замысел славянский,
а в доме нет еды уже четыре дня,
и кажется, вот-вот взорвется конь троянский,
и вспыхнет на холсте пурпурная резня.
На площади толпа гудит, как ипподром.
Нет, избранный сюжет не кончится добром.
На свежем полотне подрагивает охра...
Не трогайте рукой: Эллада не просохла.

«Сквозь яркую зелень – то синь, то сирень...»

Сквозь яркую зелень – то синь, то сирень,
какое цветов и тонов наслоенье!
Но если пейзаж повернуть набекрень,
то станет понятно мое настроенье.

Я жду, я меняюсь в лице каждый миг,
я злюсь, я стараюсь от слез удержаться,
но вот на аллее ваш образ возник
и стал постепенно ко мне приближаться —

и стал постепенно бледнеть антураж...
А сердце мое наполняется светом
по мере того, как прекрасный пейзаж
становится вашим прекрасным портретом.

«Двух убогих – тебя да меня...»

Двух убогих – тебя да меня —

Бог решил обогреть у огня.

– Что, мой ангел, уютно?

– Уютно.

Можно спать до утра беспробудно.

– Что, мой ангел, тепло ли?

– Тепло.

Дай твоё поцелую крыло,

и ладони, и шрам у виска.

Жизнь, как видишь, не так уж горька.

Будем счастливы мы до рассвета.

Бог недаром сюда заглянул.

– Что, мой ангел, ты скажешь на это?

Нет ответа...

Мой ангел уснул.

Старая пьеса

Эта старая пьеса всегда современна.

Время действия – вечер, и он же – суфлёр,
место действия – комната, здесь же и сцена.

Вы готовы на выход, мой добрый партнёр?

Что ж, начнём. Положите мне руки на плечи...

Вот уже антураж стал едва различим.

Исчезает суфлёр – затянувшийся вечер.

Вы забыли слова? Ничего, помолчим.

Осетинские напевы

В том замке, старинном, огромном,
хозяин невесел бывает.

В собрании пьес многотомном
он все мои письма скрывает.

То в кресле он дремлет нескладном,
то к ужину мрачно выходит
в том замке, старинном, громадном,
где кошка сиамская бродит.

Там воздух пропах мандарином,
что зреет, на солнце пылая.
В том замке огромном, старинном
всего-то однажды была я.

Там горный пейзаж исполинский
от Бога пролёг до порога...
Там к ужину сыр осетинский
я б резала тоньше немного.

Дебют

Кукла живет и танцует по кругу,
так привязались с актером друг к другу,
что непонятно, кто водит кого:
куклу – актер или кукла – его.
Только запутались тонкие нити,
куклы по воздуху ножками бьют,
встали-упали – уж вы извините,
не забывайте, что это – дебют.

Жизнь моя тоже танцует кругами,
не замечаю земли под ногами —
кто-то за ниточки сверху ведет,
перемешались паденье и взлет.
Что-то хотела, куда-то спешила,
ангелы в небе все ближе поют.
Накуролесила, наворошила...
Боже, прости меня! Это – дебют.

«Сто лет прошло, и век другой ступает...»

*Пять лет прошло. Здесь всё мертво и немо.
Анна Ахматова, 1910*

Сто лет прошло, и век другой ступает.
Другая жизнь. Другие корабли.
Вулкан исландский пеплом посыпает
израненную голову земли.

Меняется шуршанье лёгких юбок
на жёсткое шуршание банкнот,
но шум и гам из капитанских рубок
серебряных не заглушает нот.

Оранжевый закат или пунцовый
непоправимым облаком плывёт.
Какой ты, век наш? Цинковый, свинцовый?
Пускай потом потомок назовёт.

Века друг к другу тесно припадают.
К каким бы ни пристали берегам,
нас по приметам вечным разгадают:
по музыке, картинам и стихам.

Дина Дронфорт

Франкфурт-на-Майне

Дина Дронфорт – русскоязычный поэт – родилась (1963) и выросла в Москве, живет в Германии с начала 90-х годов. С той же поры пишет стихи и малую прозу. В 2010 году во Франкфурте-на-Майне вышел сборник ее стихов «Огонь в ладонях». Она относится к известной породе людей, «физиков» по роду занятий и «лириков» по душевному призванию. По профессии IT-специалист, великолепно владеет русским литературным языком и в своем творчестве стремится к продолжению языковой традиции величайших российских образцов. Сохраняя любовь и пиетет к родному язы-

ку, она успела проникнуться глубиной и выразительностью языка немецкой поэзии и с удовольствием отводит время переводам на русский язык. Одно из важнейших мест в поэзии Дины Дронфорт занимает завещанная Богом любовь человека к человеку. Дина не принадлежит никакой определенной конфессии, но в ее стихах присутствует Бог, как единая верховная сила, которой единственно и следует посвящать себя человеческой душе. В настоящей подборке представлены стихотворения разных лет.

«От бутона магнолии ...»

От бутона магнолии,
от небесной гармонии труб,
от ласкающей ветер руки,
располагающей слоги в стихи,
до гармоничности старческих губ —
и нечаянно более...

Что поделаешь, если жизнь
из удивительной незнакомки,
обещав быть подругой верной,
обернется хищною стервой,
твои стерегущей промахи...
С жизнью не развестись.

«Что если жизнь начать сначала...»

Что если жизнь начать сначала?

Разрушить крепость на песке,

весь опыт жизни из подвала

в окно – и в небо налегке!

А ну же! Ветер братом станет,

в обнимку с ним по облакам

пойдешь, и сердце не устанет

служить окрыленным рукам.

Ропот

Господь мой, на то ли зрячим
родиться, чтобы во мраке
скулить, от себя же пряча
цепь, миску – удел собаки!..

Прикрой мне ладонью очи,
в незнание верни, в младенство.
Рожденному – мука ночи,
слепому в ночи – блаженство.

Бессмертие. Кундера

С бессмертием играешь в прятки,
кропя во времени свой путь,
и все надеешься бесплатно
в глаза горгоне заглянуть?

Но платой – суд! Пытливый, тонкий,
усерден и неумолим,
что учинят, любя, потомки
над изваянием твоим.

К чему?

К чему тебе чужие слезы,
терзанья грешников, святош,
что почивают мирно в Бозе.
И ты когда-нибудь умрешь,
оставив горстку песнопений
тому, грядущему... Тому,
кто сам – новоявлённый гений —
восславит виршами луну,
проводит грустным оком стаю,
любви трагический финал
и лет закат, и карнавал.
Споет, как мир еще не знал,
все то, что я теперь листаю.
И задаю вопрос – к чему?..
Молчи. Услышишь тишину.

Мой клен

Ревнивец милый, хлопотливый клён,
полой еще шумящей летом робы
укрой меня, на страже испокон,
от сентябрей, случайных и недобрых.

Вот-вот октябрь – пришлый мокровей —
сорвет зеленый плащ, оставив немо
тебе чернеть ноябрьской готикой ветвей
на ясном и сыром картоне неба.

Но ты не ведаешь пока, что обречен
на небыль декабря порой смурною.
За нас двоих борьбою страстно увлечен
мой рыцарь-клён с грядущею зимою.

«Пока живу, мороз и зной...»

Пока живу, мороз и зной
меня обходят стороной.
Судьба щадит мое лицо,
не оставляет ни рубцов
потери близких, ни теней
глазниц голодных. Я бедней
почти любой моих подруг,
но я богаче всех вокруг.
И не балуется огонь
моею пяткою нагой.
Давно затвержен мой урок.
Что проку в жизни? Что есть прок?
Кому спасибо прокричать
за пенье птиц и плеск ручья,
За долю матери, жены,
за неизведанность войны.
За то, что сон по-детски тих...
И за бессильный этот стих.

Клуб самоубийц Лизы К.

Когда среди небес угрюмых завес
блуждает взор – и жадный, и немой —
самоубийцы, мрачно улыбаясь,
последней тайной делятся со мной.
Ты знать хотела, *что* нас убивает?..
До смерти ли на гребне бытия.
До жизни ли, когда ослабевает,
скудеет вдохновенная струя,
когда смолкает ветер за плечами,
когда пустой страницей замолчишь,
когда височным выстрелом встречает
источника иссушенная тишь.

Предгрозовое

Разбилась темнота
на рока рокотанье
и всполохи кнута.
За окнами метанье,

всплеснул ветвями клен,
волнуется, хлопочет.
Землей укоренен,
смириться он не хочет.

Туда, на зов, к Тому,
чьи камни, души, птицы...
Откуда никому
уже не возвратиться.

«И кожи патина и вечер подглазий...»

И кожи патина и вечер подглазий
скрывали от зеркала, и не раз,
шутную коммуны моих ипостасей,
теснящуюся за оправою глаз.

Льняная рубаха и ванна в дорогу —
вернуться ль когда-нибудь мне сюда?
Сегодня меня пригласили к порогу
воронки в зияющее никуда...

Встреча

А. Ахматовой

Времен пробраться теменью густою
по лесенкам *поэмы без героя*,
взойти к Вам, Анна, гостьей без лица,
где Вы одна пред рамою пустою,
глаза прикрыв видений пеленою,
в сиянии царицына венца...

Ужель Вам не сказать ни слова больше?
Наложит время, что пространства толще,
обет молчанья, строг и нарочит.
Пробиться через все травой проросшей,
пусть голос Ваш, давным-давно умолкший,
в устах моих покорных прозвучит.

Негромкий, словно звездами отточен,
продолжится он рифмами отточий.
Но я, поверьте, все слова пойму.
Который год меня желанье точит
отправить Вам мои стило и почерк,
и руку, приучённую письму.

Одна секунда встречи... Здравый опыт
нудит, что пролегают наши тропы

во всех, за исключением одной.

Оставим, Анна, бездны темный ропот.

Да будет стих наш колоколом пробит
над нашей исстрадавшейся землей.

Старушка и смерть

Старушка об руку со смертью,
на черный опираясь зонт,
бредет поутру в мокрый сквер, где
считает дни, за годом год.

Спектакль кончился. Актеры
все восвояси разбрелись,
оставив сцену, на которой
ее разыгрывалась жизнь.

На привокзалье рыбный запах
борделей. Раб своей мошны,
крадется муж на задних лапах
под носом бдительной жены.
Проходим уши треплет ветер
неразличимых новостей.
Сквозят вагоны. В желтом свете
трамвая личики детей,
когда-то ею не рожденных...
Им нет имен. Их нет нигде.
И мужа нет. Сквозят вагоны...

Проснувшись утром в пустоте,
бредет она, считая будни
дождливой старости, и ждет,

когда немногословный спутник
над ней раскроет черный зонт.

«Холодно здесь. Неизбывно холодно...»

Холодно здесь. Незыбывно холодно.
Переполняю собой квартиру.
Стены мои с безучастием молота
чавкают кровью в коллекторе мира.

Я остываю. Забыв неначатое,
перехожу ко вчера забытому...
Жизнь, похоже, готова начерно,
кто-то стучит за стеною копытами.

Мимо. Ресницы сомкнув за окнами,
переползаю от желудка к желудочку,
выше и выше, гортанью мокрою...
и родничок раздирая – в будущее.

Ангел

Часы прокукарекают и дня
стальной корсет почует позвоночник.
Исчадия луны – химеры ночи —
смолкая, в тень отступят от меня.

Рыданий шрамы маскою прикрыв
спиной изображу кариатиду.
Луна невинно скроется из виду —
смолкает в синеве ее мотив.

Что ж, радуйся! Усерден ангел твой!
Моления и капризы исполняет.
И осень приглашать не забывает.
И хлеб не горек милостью чужой.

А все теперь нехстати и не впрок.
Луна ли под сурдинку чрево точит
и тело бледной немочью морочит?..
Но если отзовется пара строк

из кельи за дольменную плитой —
ту ангел учит душу терпеливо
полночное превозмогать светило
молитвою смиренной и простой.

«У блаженных котомки пусты...»

У блаженных котомки пусты.
Для свидания с музою нужно
трепетать на краю нищеты,
ожидать, затянувшись потуже.

Не надеяться и возжелать,
развенчаться с обыденным надо,
чтобы деве капризной внимать,
не заботясь о тучности стада.

«Из памяти лица смывает текучей толпой...»

Из памяти лица смывает текучей толпой
и камни развилок уносятся ветром времен.
Вспорхнула строка – я слежу под повязкой слепой.
Я – памяти страж, уследить ли мне беглых имен.

Плывет между черных полотен моя голова.
По черному выжечь – иначе не буду прощен.
И я загребаю последних угольев слова,
еще только слепок, еще только снимок, еще...

Каприччо

Три дня, три бриллианта выпало
для нас у Времени из рук.
Каприччо, римские каникулы
сверкнули между буден вдруг.

Судьбой одарена непрошено,
приберегу для черных дней
три самоцветные горошины
в шкатулке памяти моей.

Когда растает наваждение
и увлекусь куделью дня,
останется стихотворение,
родившееся от тебя.

Наш дом

Ласки раздариваю,
тебя обкрадывая.
Статуей каменной
встречу, не радуя.

Судить не смей меня —
Дом я разрушила!
Любовь при свете дня
глядит иссушенно.

Она источником
была терпения...
Что грех —
то снежный ком,
до воскресения.

«Нелепый и развенчанный портрет...»

Нелепый и развенчанный портрет
проступит, озадачив на мгновенье.
Возможно ли – бессонницы предмет
бесплотнее, чем ветра дуновенье?..
Так озером забыт водоворот.
Безвинно небо в заводи глядится.
Но знает, знает ветреная птица
глубины потайные темных вод.

31 августа

Отчего день последний дорог —
завершение летнего круга?
Или августу тоже за сорок
и мы так же теряем друг друга...

Соскользнули песком оковы,
даже больше – почти невеста!
Понастрою чертогов новых,
но тебе не оставлю места.

А настанет время прощенья —
ты вернешься нелепым гостем,
для которого угощенье
и чужая прохлада простынь.

День последний, сырой и ранний,
записная пора прощаться...
Пожелтым его дыханьем,
как твоим, не могу надышаться.

Звонок

На часах половина жизни.
Значит жить еще половину.
Губкой, смоченной в оптимизме,
растворяю лица патину

и звоню... Зеркала, кувшины,
пополуденный сизый гам.
За окошком стихи-снежинки...
Ни к чему они старикам.

Озаренья, порывы, музы...
За окошком пейзаж примолк.
Мне бы пухлых рожать бутузов,
исполнять вековечный долг.

Ни жена, ни подруга... Голос
в недрах чьей-то чужой руки,
никому не слышная морось
на холодном стекле щеки.

За окошком все та же сырость
и все так же молчит природа.
Где-то скрипнула дверь и закрылась
тихим утром нового года.

Прикосновение

Замри и ощути, склонив лицо.
К чему тебе чужие откровенья?
Не заменяют сорок мудрецов
простого моего прикосновенья.

Сползает тихо толстая тетрадь,
под поцелуем вздрагивают брови...
И мудрецам приходится молчать
на столике под лампой в изголовье.

«Ночь опускается в кресло и диалог...

Ночь опускается в кресло и диалог
возобновляется прерванною тирадой...
Жаркая спорщица, кто бы подумать мог,
слушательнице такой несказанно рада.

Кто же есть у меня, кроме себя самой?
Две кошки, преданные всем желудком.
Зеленый сожитель в кадке, листвою
колышущий в оцепененье чутком.

Души, населяющие янтарь времен,
молчат, занесенные пылью полки...
Этого мало. Голос инстинкта силен —
кому, реченному ожиданьем долгим,

факел утра улыбкой одной зажечь?
Для кого всходить благодарной нивой?
Кого одаривать зрелым жемчугом плеч,
волос омытым волною ленивой.

Куклой тряпичною в чьих руках
предаваться похоти безоглядно и досьята.
Рука в руке, с кем тропу впотьмах
торить, не слыша прохожего топота.

Potpourri

Останутся стихи капризом синим,
как осенью лил джазовый мотив...
На перепутье интернетных линий
в толпе едва друг друга различив,

отпущенное время коротали
кобель безродный и почти ничья жена.
Как в письмах с упоением валяли
он дурочку и дурака она.

Как на чужом всплакнула пепелище
украдкой, приговаривая вслух:
Ищи – найдешь. Находят тех, кто ищет!
Он делал вид, что остается глух,

свободы статус ревностно лелея,
что никому-не-нужностью подбит.
И оба забавлялись, чуть жалея,
игрой во всеотпущенный транзит.

Обернись

Обернись, когда перестанешь,
обессилев, со мной бороться.
Обернись же, верный товарищ
малодушия и благородства.

Обернись, оставленный мукой
невозможности покаяния
под нацеленной в лоб базукой
обязательств и ожидания.

Не найдя меня даже в мыслях
и пропев осанну утрате,
обернись к непрожитой жизни,
обернись, если жизни хватит.

«Я дышала над влажным ВИСКОМ ТЕМНОТЫ...»

Я дышала
над влажным виском
темноты,
недосказанным словом
ласкала цветы,
поверяла привычные меры.
Отражений искала
в глубинах зрачка
и кричала, и билась
под жалом смычка,
и срывалась в седые кальдеры.
Проникала
жемчужными
реками в дом —
я в руках была глиной,
беленым холстом,
отливалась в тугие хорей.
Мой возлюбленный!
Муж мой, ваятель,
скажи,
для чего же сегодня
ты мечешь ножи
в беззащитную грудь Галатеи?..

Тени

Кто знает, *какие* тени
витают, легки и гулки,
чьи блеклые отраженья
хранят зеркал закоулки...

Что там, промелькнув за дверью,
вплывет и, присев напротив,
призрачным мановеньем
с плеча немилого сбросит

мои ладони во тьме... и,
глаз не сводя, истает...
Кто знает, *какие* тени
в доме моем витают.

Кукла

Живая кукла принца Тутти —
глаза, улыбка, ноги, груди —
скачу послушно на багуте,
на эту роль обречена.
Когда устану отвечать я
на зов ленивого исчадья,
ему оставлю шелк от платья
и упорхну в рассвет окна.

Он вдруг поймет, что надоело
терзать мое пустое тело.
И оком, мутно и дебело,
в глазницы глянет, мой дракон.
Припомнит все – и рифмы трепет,
и сладкий смех, и глупый лепет,
былое кружево потреплет
и, может быть, заплачет он.

«Подвиг бледнеет розово...»

Подвиг бледнеет розово,
мелко сучит измена,
плещет событий озеро
от щиколотки до колена.

Царство пади – вот грому-то...
Эхо – бесшумней вдоха.
Так... скоморошьим омутом
замельтешит эпоха.

Райскою птицей скроена,
да без надежд на вечность,
мукой не удостоена
счастлива безупречно,

я, позабыта Хроносом
в этой стоячей луже,
мокну – павлин без голоса,
что никому не нужен.

Бьется с утра до вечера
императив височный:
Птаха, лети, ты певчая!
Поторопись на площадь.

Там поклонились сумраку.

Там опустели лица.

Жаром пера без умолку

петь тебе, чудо-птица!

Евгения Комарова

Бохум

Родилась в 1954 г. в Киеве. Училась в МГУ им. Ломоносова на химическом факультете. Первая публикация в антологии юных поэтов Украины «Тропинка на Парнас», изданной под редакцией В. Коротича в Москве, в издательстве «Молодая Гвардия». В Германии увлеклась немецким языком и переводами с немецкого и на немецкий. Принимала участие в совместной русско-немецкой антологии «Die Briefe, meine,

lasest du im Schlaf» («Письма мои читал ты во сне»), опубликовавшей произведения современных русско- и немецкоязычных авторов земли Северный Рейн-Вестфалия в двуязычном варианте. В дальнейшем публиковалась в различных альманахах и антологиях русского зарубежья – как в качестве автора, так и в качестве переводчика.

Театр теней

Эвридика

Орфей, куда ты меня ведешь?
Мне страшно, и не видно ни зги...
Я чувствую Геи глухую дрожь
Каждым пальцем босой ноги;

Мне чудится блеск не огня, а – дня,
И шелест крыльев стрекоз – не сов...
Орфей, зачем ты позвал меня?
Зачем пошла я на этот зов?

Я здесь забыла звучанье слов,
Значенье звуков, цветов цвета...
Теченьем Стикса меня снесло:
Я ещё – не там, но уже – не та.

Ты мне уже не вернёшь – меня!
Я слышу в плеске летейских струй:
Тень рук не сможет тебя обнять,
Тень губ не возвратит поцелуй.

Не склеить с веткой опавший лист,

Не нужен свет для потухших глаз...
Ну что же медлишь ты? Оглянись —
Чтоб тебя увидеть в последний раз!

Кассандра

О, как вы насмехались надо мной,
страшась и ненавидя втихомолку!
Ну что, троянцы, много ль было толку
в слепой гордыне вам? Агамемнон

влачит теперь, в лохмотьях и рубцах,
её остатки жалкие в Микены...
И смерть моя, и гибель Поликсены —
последние штрихи того резца,

который завершает мрачный труд —
гробницу славы и величья Трои.
Не строить – рушить призваны герои,
не сеять – пожинать за трупом труп.

Там, где героев боги создают,
взяв деву – силой, а жену – обманом,
там смертным сыновей рожать не надо —
они обречены полечь в бою.

Стать в гекатомбе жертвенным тельцом —

вот участь их, рождённых в век героев...

А впрочем, сам герой – не что иное,
как бык-вожак, отобранный жрецом,

чтоб, розы на челе неся и лавр,
на смерть вести восторженное стадо.

А какова за подвиги награда —
расскажут вам Тесей или Геракл...

Какой, однако, славный саркофаг —
когда-то неприступной Трои стены!

Цена пожухлых прелестей Елены
не слишком ли, герои, высока?

О, мне она известна лучше всех,
поскольку эту цену назначали
не вы. Да и не боги. Изначально
её мерилом был тот самый смех,

который – за спиной или в лицо —
как тень, сопровождал меня повсюду...

Я прорицала? Что ж, скрывать не буду —
я проклонила вас, толпа глупцов!

Надменные, закрывшие глаза,
чтобы не видеть, уши – чтоб не слышать,
ведóмые тем, что пупка пониже...

Вам вéдом лишь охотничий азарт,

вам крови вкус и страха запах мил?
Надеюсь, вам их досыта хватило...
Что мне Эреб, когда Тартара силы
я заклинала в безднах вечной тьмы!

Я не имела больше ничего,
лишь слово! Но его никто не слушал...
Мне, значит, не дано читать в грядущем?
Ну что ж, я создала для вас его!

...Всё кончено. Пора и мне к теням —
дневного света не выносят совы...
Но помните – в начале было слово,
и это слово было у меня!

Иешуа

Ну вот и нисан, и первый пасхальный Седер,
А нас за столом тринадцать (ох, не к добру!)
Лица невеселы. Вяло течёт беседа.
Мне нужно собраться. Я знаю, что завтра умру.

Чему суждено свершиться, должно свершиться...
(О, только б сдержаться! Не измениться в лице!)
Эта история белыми нитками шита,
И я не уверен, что будет достигнута цель.

Искупление – липкое слово. Словно по смете,
Принимается жертва в уплату суммы грехов.
Но разве можно за жизнь рассчитаться смертью,
Как меняла за сребреник пригоршней медяков?

Неужто, Отче, с людьми нельзя по-другому?
(Из этой же чаши, помнится, пил Сократ...)
Ни один из вас не пойдёт со мной на Голгофу,
Ни один не узнает, когда я вернусь назад.

Храм разрушен давно, и новый будет едва ли,
Зато расплодилось торгующих, будто тлей...
В Гефсиманском саду сегодня опять стреляли...
Не пойду я туда, пожалуй... Иуда, налей!

Дон Жуан

Скомканная чужая постель.
Скомканное чужое лицо.
Лучше б ты не смотрел на неё теперь
Из-под век, налитых ночным свинцом...

Скомканные пустые чулки.
Скомканные пустые слова.
На безымянном её правой руки
Тонкий след кольца заметен едва.

Ну, что ж, ты выиграл, Дон Жуан!
Ты счастлив? Этого ты хотел?
Командор не придёт. Он мёртв. А ты пьян,
И здесь не театр, а дрянной отель.

Тебе не уйти со сцены, хоть плачь!
Твой приговор пострашней галер:
Сам себе режиссёр (а точнее – палач),
Прикованный к амплуа «жюн премьер»...

Она тебя старше годков на пять,
(Утренний свет жесток – се ла ви!)
И она не умеет ни ткать, ни ждать,
И не то чтоб очень ловка в любви.

Не научилась ни шить, ни жить,
Не получилось детей рожать...
Почему так тупы, чёрт возьми, ножи?!
Командор не придёт. Он мёртв. А жаль...

Донна Анна

Скомканная чужая постель...
Скомканные пустые слова...
Так устала я, Господи, от потерь,
Что осталось только идти ва-банк!

Я хной подкрашу седую прядь,
Кармином губы я подведу...
Я уже потеряла страх потерять,
Но боюсь найти на свою беду.

На свою, на его ли беду
Напою нас двоих допьяна...
За одну эту ночь мне гореть в аду —
Так пускай уж тысяча и одна!

Но тот, кто рядом со мной лежит,
Не может ни давать, ни дарить:
Он глотает, давясь, и любовь, и жизнь,
Будто наперегонки, на пари.

Он не умеет пить, как гурман —
Не торопясь, смакуя глотки...
Победитель!.. Мне жаль тебя, Дон Жуан —
Остатки не сладки. Они горьки.

Они сухи, как мои глаза,
И ядовитей змеиных жал...
Пей же! Это вино ты сам заказал!
Командор не придёт. Он мёртв. А жаль...

Командор

Скомканная пустая постель.
Скомканные чужие слова...
При жизни я двери сорвал бы с петель,
Но смерть всегда – поражение в правах.

Мёртвые сраму не имут... Честь? —
Пустое, так же, как месть и страсть...
А впрочем, одно преимущество есть:
Мертвеца нельзя убить ещё раз.

Не знаю, зачем я пришёл сюда...
(Скука – проклятие мертвецов!)
Не для поединка и не для суда,
А просто – увидеть её лицо...

Что ж, mea culpa – моя вина!
Я не успел (или не сумел...)
Ей объяснить, что любовь – не война,
Где после сражения – груды тел.

А Дон Хуан – не учитель ей,
Он сам невежествен, как монах...
Я готов пережить хоть сотню смертей,
Чтобы ей помочь, но – увы и ах!

Она простит эту ночь ему,
Но не себе... Куда ей бежать?
Дверь заперта. Окно раскрыто во тьму.
Командор пришёл, но он мёртв. А жаль...

Крысолов

Послушай, Крысолов, зачем ты снова в Гамельн?
Тут крысы не живут с тех самых дней лихих,
И тут тебя не ждут, но и не бросят камень
В тебя за все твои и не твои грехи.

Изношен твой кафтан и стоптаны ботинки,
И дудочка твоя срывается на хрип;
В глазах твоих судьбы нетающие льдинки,
В кармане – медный грош, в котомке – сухари...

Что ты пришёл узнать (а может быть, поведать?) —
Покаяться ли в чём, оспорить ли вину?
Тут все уже давно отплакали по детям,
Попутно не забыв пересчитать казну.

...А дети шли с тобой, смеясь и подпевая,
И ветер раздувал огонь сиявших глаз,
И с туч живой водой стекала дождевая,
И мир рождался вновь, как будто в первый раз...

Но латаный кафтан не заменяет латы,
И дудка – не копьё, хоть мельниц и полно...
А дети нынче тут с рожденья глуховаты
И песенки твоей не слышат всё равно.

Роман в стихах

Том I, виртуальный

Что за банальность, Господи прости:
ну, я люблю... ну, ты, увы, не любишь...
Всё под луной не ново и не лучше,
а то, что не в реале, а в Сети —

неважно: боль фантомная порой
бывает нестерпимей настоящей,
и опустевший электронный «ящик»
такой же чёрной видится дырой,
как дырочки в жестянке на стене,
когда сквозь них, как парус, не белеет
конверт... И я опять включаю плеер
с той песенкой, написанной не мне...

А ты молчишь, печальный Птицелов,
потусторонний призрак монитора,
и я стенанья греческого хора
перевожу на русский парой слов.
Из шерсти путеводного клубка
на зиму Ариадна вяжет свитер...
А ты не пишешь, не заходишь в твиттер,
закрыл ЖЖ и удалил аккаунт.

Не выйти через запад на восток
мне в этом лабиринте отражений...
Отбросив ник, подписываюсь: Женя.
Теперь – лети, последний лепесток!

Роман в стихах

Том II, реальный

...А дождь – он, в самом деле, смоев всё:
и поцелуи с губ, и снег, и слёзы.
Как клоун в цирке, плюхнется он оземь
и запахов охапку поднесёт.

Он сможет без труда растормошить
труб водосточных чинную семейку,
и те зальются булькающим смехом
от всей своей заржавленной души.

Наделав лужу, он смутится сам
и смоев с Манежа, огорошен,
а зонтики захлопают в ладоши
и слогаются с почтеньем пополам.

...Ты спустишься в простывшее метро
простившим эту ночь за это утро,
и контролёр с лицом дежурно-хмурым
потребует билетик, как Харон.

А я у стойки паспорт протяну
немецкий, поздоровавшись по-русски,
и скажет стюардесса: «Видно, грустно

так скоро покидать свою страну?»»

Но, слава Богу, дождь, и на него
легко списать взъерошенность и влажность...
А впрочем, это всё уже не важно,
мой самолёт вот-вот начнёт разгон.

Ума хватило вымолчать слова,
чтоб маяться поврозь, а не друг с дружкой.
– Нет, нет, спасибо, мне воды не нужно:
в Москве был дождь, и я теперь трезва.

Наталья Хаткина

1956–2009

Родилась в Челябинске 2 сентября 1956 года. Детство Натальи прошло в Узбекистане в городе Каган. Училась на филологическом факультете Донецкого государственного университета и закончила его в 1978 году, по окончании до 1979 года работала в селе Терны Краснолиманского района Донецкой области учителем русского языка и литературы. С 1979 года в течение двадцати лет работала библиотекарем в Донецкой областной детской библиотеке имени Кирова.

Первый сборник стихов «Прикосновение» вышел в 1981 году в издательстве «Донбасс» с предисловием Евгения Евтушенко. В дальнейшем выпустила поэтические сборники «От сердца к сердцу», «Лекарство от любви», «Поэмы», «Птичка Божия». Умерла 15 августа 2009 года. В 2013 году в донецком издательстве БВЛ вышла книга Н. Хаткиной «Стихи и поэмы». Составитель, Вениамин Белявский, любезно разрешил взять некоторые стихи из этой книги для нашей антологии.

«Осень, не помню, в каком мы родстве...»

Осень, не помню, в каком мы родстве,
так измотал меня этот проклятый
год, что уже непонятны, невнятные
хрипы и всхлипы в сентябрьской листве.

Осень, ведь было же что-то в крови —
общее чувство свободы и меры,
что потеряла, пойдя на галеры
рабского счастья твердить о любви.

Не унижай меня больше, любовь!
Только ты в сути своей униженье,
вольной когда-то души поражение —
рядом с другим не остаться собой.

Не подходи ко мне больше! Пора
жить, не калечась и не калеча.
Осень кладет мне ладони на плечи.
Я вспоминаю: ей имя – сестра.

«Выйду из дому в мороз ...»

Выйду из дому в мороз.
Ветер с налету облапит,
тело продует насквозь,
душу вчистую ограбит.

Ветер, хоть что-то оставь
мне в эту ночь ледяную.
Память оставил – кристалл,
впаянный в клетку грудную.

Знать бы, куда поверну,
где я, откуда и кто я?
Помню лишь зиму одну
жизни, прожитой не мною.

С кем же я лето пропела?
Ветер толкает – пустяк!
Вот он забрался под перья —
в полый мой птичий костяк.

Птицами были мы в детстве
до человеческой судьбы:
холод и голод – и бедствуй,
мерзлую землю долби.

Как же теперь возвратиться,
как мне добраться домой?
Так и останешься птицей,
вмерзнешь в кристалл ледяной.

Шпана

Над сорной сурепкой окраин,
что щедро нас цветом дарила,
над крышами старых сараев
шпана городская царила.

Над пустошью пристанционной —
не суйся! – схлопочешь по рылу,
над черным чумным терриконом
шпана городская парила.

От школы давно уж отстали,
глядели на всех исподлобья,
и что-то в них было от стаи
шакальей – голодной и злобной.

Вслед женщинам нагло свистали,
плевали на наши приличья.
И что-то в них было от стаи —
летающей, курлычущей, птичьей.

К окрестным садам беспощадны,
худы – до скелетного хруста.
Кричали им: «Будьте неладны!»,
грозились: «А чтоб тебе пусто!»

По-галочки были всеядны,
презрительны были, безродны.
О как они были неладны!
И как они были свободны!

Окраина

Окраине поэзии – хвала.

Она к себе с базара и вокзала
безвестных стихотворцев приняла
и с городской окраиной совпала.

Вульгарная помада на губах.

Слегка согнувшись под привычным грузом
авоськи, как и все – в очередях
стоит ее обшарпанная муза.

И что-то шепчет, словно из молитв.

Когда ее бранят или толкают,
в ее душе вибрирует верлибр.
Бедняжка ничего не замечает.

Она сюда за поводом для слез
перебралась – и навсегда застряла
среди убогих флигелей вразброс
бродячих псов и ржавого металла.

Знать, на роду написано – жалеть,
смотреть, как под дождями мокнет глина,
и слушать, как в осеннюю мокреть
окраины играет окарина.

Листопад

Этот воздух, как соты, – сквозной,
точки света и теней зигзаги,
точно кто безнадежно больной
тешит душеньку – вывесил флаги.
Лист прозрачной ладошкой машет
и, кружась, привстает на носки.
Это музыка плачет и пляшет,
отводя от последней тоски.

Замирание – и трепет сердечный,
задыхание и трепет – такой,
точно кто, безнадежно беспечный,
отмахнулся от смерти рукой.
Беспечальна – на ней благодать,
бескорыстна, безмерна, бесплотна,
это – музыка. С ней – пропадать.
Ни на что она больше не годна.

Переезд

Только сделаем шаг за ворота:

– Милый мой, мы оставили что-то,
не вернуться ль за тем, что осталось?

– Верно, глупость какая-то, малость,
из журнала на стенке картинка...

– Или нашей судьбы половинка,
четвертушка, осьмушка – не знаю,
может быть, даже тридцать вторая.
Но с тобой мы на каждом привале
что-нибудь невзначай забывали.

Вот забыли, как молоды были —
и любовь по углам растеряли.

«Два голубя – сизый и белый ...»

Два голубя – сизый и белый —
сидят на моем рукаве.

Как странно: рассыпался камень,
и дерево черви сожрали,
и ржа источила железо
и лживое сердце твое.

А ветер-бродяга – остался,
а бабочка – не улетела,
а голуби – сизый и белый —
сидят на моем рукаве.

«Мой август кудрявый, пора нам ...»

Мой август кудрявый, пора нам
с асфальта на время сойти.
Позволим нахальным бурьяном
ученым мозгам зарости.

Приляг на поляне нагретой
и руки привольно раскинь —
в ленивых извилинах лета
цветет луговая латынь.

И стебель мне щеку щекочет,
и жизнь копошится в траве,
и только кузнечик стрекочет
в зеленой моей голове.

К...

Снова, мама, ты в печали,
снова, мама, я в бреду.

Что ли, мама, выпьем чаю
или водки на меду.

Выпьем, бедная подружка,
выпьем, почему бы нет?

Вот подарочная кружка —
из Америки привет.

Мы смешаем все привычки,
мы разделим боль и страх
и, как старые сестрички,
отразимся в зеркалах.

Чаепитие

Впятером, вшестером, всемером
мы на кухне за тесным столом
пили чай. Мы друг друга любили.
А часы, что за нами следили,
били полночь – и тут же рассвет.
Но казалось, что Времени – нет.
Вдруг, заплавав, воскликнула я:
– Эти чашки не смеют разбиться!
Эти милые пальцы и лица
раствориться не могут во мраке.
Слышишь? Мы никогда не умрем!
Впятером, вшестером, всемером,
наши дети и наши друзья,
наши кошки и наши собаки.

Вариации 1980 года

1

Приемщица стеклопосуды,
подруга поэта Вийона,
как тусклы твои изумруды!
Прими к ним два фауст-патрона
и восемь бутылок от пива.
Прекрасная наша Елена,
о, как же ты нетороплива,
подруга хмельного Верлена.

Брезглива ко всякому блюду,
ты смотришь стеклянно и прямо.
Приемщица стеклопосуды,
подруга Омара Хайяма.
Распутные эти поэты —
такой тривиальный набор! —
бухнули и канули в Лету,
с похмелья стенающий хор.
А ты нам досталась, как чудо,
нездешняя птица Гаруда,
приемщица стеклопосуды
с лицом молодого Иуды

Приемщица стеклопосуды
решила выучить иврит,
чтобы потом рвануть отсюда.
Пускай огнем оно горит!
Пускай горит оно толпою,
трясущееся с перепоею,
в дыму дешевых сигарет —
и вечный бой, и тары нет!
И так она взялась за дело,
что вскоре был покинут дом.
А за спиной ее горело,
горело голубым огнем.

«Бродя, мы бражничали меж...»

Бродя, мы бражничали меж
лесов и меловых полос,
и нас сопровождал кортеж
из пьяных бабочек и ос.
И мелкий мотылек-сатир
у ног в траве устроил пир,
над сладкой каплею трудясь,
следуя за нами парой глаз
в вершинах треугольных крыл.
Цыганский табор нас делил.
Лизали с пальцев, пили с губ
под гуд своих дикарских труб.
Выпутывались из волос,
медовую тянули нить...

Под вечер солнце набралось
и стало голову клонить
все ниже – как хмельной Силен,
как ты – на холм моих колен.

«Очнулась уже в декабре ...»

Очнулась уже в декабре.

А в памяти все завивался
вьюнок царскосельского вальса,
и тоненько шпоры звенели.
Взлетели – и пали метели.

Очнулась на черном дворе.

Все вью повинную гну я,
бочком норовлю, стороной.
Все жизнь вспоминаю иную,
хотя и не знаю иной.
Огонь высекали подковки,
подруги все были бесовки,
и я заводила игру.
Царицей была на пиру...

Очнулась в дешевой столовке.

Элла Крылова

Москва

Элла Крылова – автор более ста тридцати публикаций в таких российских журналах, как «Знамя», «Дружба народов», «Арион», «Новый мир», «Золотой век», «День и ночь» (Красноярск), «Вестник Европы», «Звезда», и др., а также в зарубежных изданиях. Стихи переводились на итальянский, финский, английский, польский, болгарский, французский, японский языки, на иврит. Творчество Крыло-

вой заметили и оценили Иосиф Бродский, Вислава Шимборская, Архиепископ Кентерберийский Rowan Williams. Папа Римский Иоанн Павел II удостоил письменного благословения. Элла Крылова – лауреат международного конкурса «Согласование времён» (Германия, 2011), лауреат премии газеты «Поэтоград» (Москва, 2012), лауреат премии «Готическая роза» (Франция, 2013); награждена дипломом Российского Императорского Дома (2014).

Весенний гимн

Голубой гиацинт – вот и райская весть
из моей драгоценной Эллады.

Отдаю Аполлону кудрявому честь,
проходя сквозь берёз анфилады.

Сколько света вокруг, и богов, и богинь,
юных, стройных, с глазами оленей!

Призрак смерти безжалостный – ну тебя, сгинь! —
днём воскресным день станет последний.

Не затем родились мы, чтоб пепел глухой
руки наших друзей собирали,
а затем, чтоб весною под нашей стрехой
лады-ласточки гнёзда свивали,

чтоб сияли цветы и гремели стихи
колокольным пасхальным набатом,
чтоб от радости были глаза не сухи
и Христа называли мы братом!

7 марта 2014

«Вставьте мне в голову кусочек неба...»

Вставьте мне в голову кусочек неба —
прозрачный кристалл синевы,
чтоб я земного не жаждала хлеба

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.